

№ 22
(6879)

5 июня
1993 года

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Основана в ноябре 1929 г.

КУЛЬТУРА

ЧЕЛОВЕК • ИСКУССТВО • ОБЩЕСТВО

Истории Тимофеева-Ресовского,

рассказанные им самим

Родился я в 1899 году 7 сентября по старому стилю. У меня почём-то так и в паспорте 7 сентября осталось. Родился в Москве на Остоженке, во Всеволожском переулке, в котором жили мои предки по материнской линии. Мать моя урожденная Всеволожская. По сути говоря, Всеволожские все родственники. В конце XVIII — начале XIX века они разделились на две ветви — петербургскую и московскую. Московские Всеволожские иногда назывались поместными Всеволожскими, считались старшей ветвью и презирали немножко петербургских Всеволожских, потому что Всеволожские — петербургская ветвь — пошли служить к Романовым, а это, по тогдашним понятиям, считалось ниже всеволожского достоинства.

Тимофеевы довольно сложно происходили, более, по дворянской линии, молодого. Они стали калужскими дворянами лишь со временем Алексея Михайловича. До того неизвестно, чем и кем они были. Добавление Ресовские появилось после того, как один из Тимофеевых женился на последней в роду Ресовской. Были такие мелкопоместные дворяне на реке Ресе, которая впадает в Угру, а Угра в Оку, а Ока в Волгу, а Волга в Каспийское море. У них одни девки были, а сына ни одного не было. И отцу страсть как жалко было фамилию. И он поставил условие... Тогда, значит, и приселили моему прапару «Ресовского». Потом они стали прозывать себя Ресовскими. А они вообще Ресовские.

Тимофеевы тоже, как и Всеволожские, те, из которых складывались мои предки по отцовской и материнской линии, были в основном жителями Калужской губернии. У Всеволожских были имена и в других местах, в Симбирской губернии и еще где-то, но последние поколения жили в Калужской губернии. И я в значительной мере вырос в Калужской губернии...

Отец мой был довольно занятый человеком. Он окончил Петербургский университет, физико-математический факультет математиком и астрофизиком. Был оставлен при университете. Поехал собирать материал для магистерской диссертации на какие-то там астрономические противостояния или на какую-то иную ерунду, в мире происходящую, вернулся... Диссертацию-то он защищил, но пришел в ужас от земли нашей и решил: чего там небом заниматься, когда земля в полном дезордере — никаких средств сообщения и сплошное неудобство. И поступил в тогда только что реорганизованный знаменитый Петербургский институт инженеров путей сообщения, который закончил, сколько помнится, в два года, потому что ему почти все физические, математические и механические дисциплины были зачтены. И с тех пор всю жизнь проработал инженером путей сообщения, чистым строителем. Он только строил железные дороги и никогда не работал на эксплуатации. Построил он в бывшей Российской империи около 15 000 верст железных дорог и был крупным инженером-путешественником, создавшим своего рода практическую школу инженеров.

Надо сказать, что у меня в родословной последних поколений одна существенная, по-моему, особенность: мои ближайшие предки с материнской и с отцовской стороны очень поздно женились и выходили замуж. Обе мои бабушки и с отцовской, и с материнской стороны родились в последний год царствования Александра I, в 24-м году. А бабушка, при которой я, собственно, вырос, Всеволожская, мать моей матери, умерла при Ленине, 95 лет от роду. Так что для меня, в отличие от моих сверстников, XIX век не был историей. Отец, правда, умер рано, на раз на рождество 13-го года, на 64-м году жизни.

Усугублялась моя близость с XIX веком тем, что как раз в Концепции Калужской губернии, в именище моего деда Всеволожского, жили на покое

три старых человека: бывший повар, бывший звонарь и церковный сторож и бывший садовник. Они еще моим дедом были, так сказать, переведены на пенсию. Дед для них три таких домика, кутюра, построил на усадьбе, и они там жили. Жили и жили. И умерли все в начале первой мировой войны, в 14—15-м году. Один самый младший, в возрасте 110 лет, старшему было 113 или 114, а старшему было 116 лет. Все трое вывозились в Москву в 1912 году на столетие Отечественной войны и получили какие-то бронзовые медали в память 12-го года с текстом: «Не нам, не нам, а имени твоему». Это что значило, я так никогда и не мог выяснить. А так как я был старшим в своем поколении, то они очень меня любили, эти три старца, и я, сколько себя помню, по крайней мере пару раз в неделю должен был в послеобеденное время с ними пить чай.

Они по очереди в хорошую погоду друг у друга собирались в садике, совместно пили чай, который им готовила, с моей точки зрения, старушка, а с их точки зрения, Надька, Надежда, которой тогда уже было далеко за 80, но для них она была девочкой, конечно, потому что, когда они были уже взрослые мужчины, она еще голубая бегала. Она была нянькой моей матери, тоже уже жила на покое. Так вот эта Надежда, три старца и я с ними часто пили послеобеденный чай, и я слушал их рассказы, воспоминания, начиная с наполеоновских времен. И для меня это была не история, а современность. Я это потом очень резко ощущал в гимназии среди своих товарищей по классу. Для моих сверстников, товарищей по классу, XIX век был историей. Ну, конечно, не так, как в теперешней молодежи, для которой это время японской войны, что Иван Грозный, примерно одно и то же, давно прошедшее времена. Сейчас, к сожалению, дети, молодежь, теряют историческую перспективу и ощущение времени. Так же как из-за плохого преподавания географии теряют и ощущение пространства в значительной мере. В наше время этого, конечно, не было, но все-таки для моих товарищей XIX век — это была история по Платонову, а для меня — нет. Для меня — воспоминания вот этих старичков.

Теперь мне хочется вспомнить про двух чудаков из моих предков как по материнской, так и по отцовской линии, живших в османнадцатом веке. Один из них был Всеволожский. Всеволожские — это древняя русская фамилия, никогда не выплывавшая, так сказать, в большие воды на самый верх, но иногда процветавшая, потом на пару столетий перевивавшая процветать и бедневшая, потом опять богатевшая. Вот одной из невест Грозного была Всеволожская, которую отравили или что-то с ней сделали, вроде как с царской невестой в опере. Затем во времена Петра один из молодых Всеволожских тогдашних полюбился Петру и был послан им за границу в числе молодых людей, которые должны были там изучить военное дело кое-какие науки. Вернувшись, он стал работать, семейные предания не сохранили подробности, в каких областях он работал, но, по-видимому, процветал. У него был дом в Петербурге новом, тогда только что возникшем, в петровском Петербурге.

Кстати, замечу, сейчас большинство русских людей молодого поколения думает, что Петр выстроил себе новую столицу и назвал ее свою честь. А это совсем не так. Он назвал в честь Святого Петра, а не в честь чести. Так вот, жил этот Всеволожский в Петербурге, обзавелся семейством, чадами и домочадцами и процветал. Процветал он и при Екатерине I. А вот когда после нескольких приключений обновилась Анна Иоанновна, вернее, Бирон, временщик при ней, появилась тайная канцелярия. Бирон и ряд фаворитов из немцев стали преследовать русских как раз передовых, обеволевших русских, так сказать, учеников Петра. Попал в немилость и Всеволожский. Но ему вовремя было донесено, что он будет арестован, и в одну прекрасную ночь он с чадами и домочадцами драпанул в неизвестном направлении на всей своей лошадиной яре. И исчез.

Оказалось, что у Всеволожских были брат моего деда, который я еще застал и хорошо знал. Брат моего деда был морским офицером и всю свою жизнь прожил старым холостяком. Это был младший брат моего деда. Он отличился в турецкую кампанию 76—77-го годов на Кавказе и на Черном море. Он на Черном море успешно применил брандера против турецкого флота, тогда в основном еще деревянного.

Если и вправду наш характер — наша судьба, то судьба этого человека столь же необычайна, как и он сам. Сильный физически, несгибаемый нравственно, резкий и ироничный, он, по словам Даниила Гранина, производил впечатление некоего палеонтологического чуда, несведомо как сохранившегося культурном слое нашего пропущенного через безжалостные жернова общества. Были ли тому причиной «гордые гены князей Всеволожских», считавших себя знатнее «худородных» Романовых и потому не служивших им, смелости и воля его предков — адмиралов Синявина, Невельского, Нахимова, или же брала верх в нем кровь донской вольницы — казаков Тимофеевых?.. Так или иначе, но он сумел оставаться свободным и независимым там, где это было практически невозможно — и в условиях нацистской Германии, в сталинских лагерях, где «приютила» его долгожданная Родина.

Действительный член немецкой АН, почетный член многих академий и научных обществ мира, лауреат Нобелевской премии, полученной за открытие двойной спирали ДНК, ученик и сподвижник выдающегося русского биолога Н. К. Кольцова, Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский стоял у истоков современной генетики. Его независимость была столь непоколебима, а научный авторитет так огромен, что даже в те годы, когда само слово «генетика» было предано анафеме, он продолжал курс клас-

сической генетики. И туда, на Урал, где он работал много лет, уже перестав быть «зеком», к нему на знаменитые Миассовские семинары устремлялись уже состоявшиеся ученые и одержимая научная молодежь.

...Открыты нам Зубра, Гранин вернулся Тимофеев-Ресовский. Это возвращение не было легким: лишь совсем недавно, спустя четырнадцать лет после смерти, ученый был реабилитирован. Но ни книга Гранина, ни снятые о нем телефильмы не дают полного представления об этом человеке, вменившем в себя

все культурное наследие своих предков, все разнообразие их талантов. Где и в каком бы обществе он находился, Н. В. неизменно становился мощным центром притяжения. Органично присущий ему артистизм делал его удивительным рассказчиком. Его истории передавались из уст в уста, о них буквально ходили легенды. Устные рассказы Н. В. о гимназических и университетских годах, о его учителях, в частности о Н. К. Кольцове, о годах, проведенных в Германии, о многих других событиях и людях еще послужат историей науки.

Это стало возможно благодаря людям, бережно сохранившим магнитофонные записи Тимофеева-Ресовского, сделанные за столом [и не только с чаем], у костра, в каюте-компании на пароходе... В фонотеке МГУ заботами и трудами В. Д. Дувакина и М. В. Радзинской сделаны и систематизированы записи рассказов и лекций Н. В. Есть его устные рассказы и в фонотеке Академгородка Пущино. Эти записи менее синтетичны и более художественно импровизационны...

Публикование рассказов Тимофеева-Ресовского — мыслителя, исследователя, олицетворения связи времен, гражданина и патриота России — важный шаг в начавшемся сегодня возвращении утраченных ценностей Отечества. Этот шаг сделан. Журнал «Человек», взявший на себя эту благородную миссию, любезно предоставил нам несколько фрагментов из этих «Историй»...

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

А для души у него было другое занятное занятие. Когда он узнавал, что на Волге где-нибудь сажали комендантам, или губернаторам, или каким-нибудь начальником в каком-нибудь городе немца, он со своими казаками город сажал в числе молодых людей, которые должны были там изучить военное дело кое-какие науки. Вернувшись, он стал работать, семейство предания не сохранили подробности, в каких областях он работал, но, по-видимому, процветал. У него был дом в Петербурге новом, тогда только что возникшем, в петровском Петербурге.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился взорвать таким образом флагманский линейный турецкий корабль. Потом снялись и с этим моряком на борту. Их спасли, а корабль взорвался.

Брандер — это лодка парусная небольшая, к длинному бушприту которой впереди присоединена была бомба. Два добровольца — один офицер и один матрос по положению — садились в эту лодку при поступившем ветре и, подыскивая подходящие условия, разгонялись полным ходом против неприятельского корабля, который по ним палил с переменным успехом. Но они обыкновенно успевали бодрнуть его в бок этой бомбой. Это было главное дело — бодрнуть его бомбой, которая взрывалась и разбивала корабль. Это не всегда кончалось смертью добровольцев. Заблаговременно они высыпали в море и вплавь старались спастись. Так произошло и с этим моим внукиным дядюшкой, братом моего деда. Повезло им очень. Он с матросом умудрился вз